

Елена Кочеткова

Brandon M. Schechter. The Stuff of Soldiers: A History of the Red Army in World War II through Objects. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2019. 344 pp. ISBN 9781501739798.

Елена Кочеткова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, набережная канала Грибоедова, 123 А, Санкт-Петербург, 190068, Россия. ekochetkova@hse.ru

Материальные вещи прочно заняли свою нишу в гуманитарных исследованиях в качестве объектов, акторов, актант, ассамбляжей и других воплощений. В последние годы они все чаще оказываются в фокусе работ по истории советского проекта (Bruno 2016; Golubev 2020 и др.). Материальный поворот стал важным для расширения методологического и тематического разнообразия поля историографии истории СССР. Через призму материальности историки обращаются к феномену советского потребления, отношениям советского человека, пространства и физических вещей, роли технологий и изобретательства в советском обществе, а также другим аспектам, часто в контексте дискуссии о советском варианте модерности. Книга историка Брендона Шехтера «Вещи солдат: Красная армия на фронте Второй мировой войны в перспективе материальных объектов», вышедшая на английском языке в издательстве Корнеллского университета (США) в 2019 году, посвящена одному из важнейших аспектов истории СССР – материальному миру советских солдат, или, если сформулировать более конкретно, материальной истории Великой Отечественной войны сквозь призму истории вещей.

Изложенная в книге Шехтера история прослеживает роли, которые в судьбе солдат на фронте играют «маленькие» (например, ложки и портянки) и «большие» (оружие и др.) физические объекты. В фокусе интереса автора находится влияние этих объектов на формирование субъектности – конкретнее, «себя» (self), – а также выстраивание отношений между «собой» и разного рода «другими». Это скрупулезное, внимательное к деталям исследование, позволяющее проследить формы адаптации старых и возникновения новых материальных вещей, составивших из своих взаимодействий с человеком и между собой материальность феномена войны. Местами работа даже приобретает форму краткой энциклопедии и одновременно обзора представлений и мнений солдат, а также их командиров о полезности, важности и применимости тех или иных предметов во фронтовых условиях. Примечательно, что книга написана на основе большого массива первичных данных, отражая глубокую архивную и аналитическую работу автора.

Материальные объекты для Шехтера дифференцированы не только в зависимости от их прямого назначения, но и от символической роли. Они служат индикаторами жизни и смерти, а также способны качественно менять людей. Вещи являются одновременно личными и государственными, маркируя принадлежность «себе» и «другому» при исполнении долга перед Родиной. Изложенная в книге история позволяет через анализ вещей проследить, как менялись советское обще-

ство и его отношения с государством. Автор исходит из того, что роль «маленьких» вещей оказывалась особенно важной для политических, социальных и культурных процессов. Ключевым здесь является то, что многие вещи были зависимы от государственного распределения. Армия всегда имела приоритет в виде лучшего материального снабжения, а в ситуации войны материальные объекты приобрели особый символизм: «правительство должно было наполнять смыслом каждый предмет, чтобы убедить солдат в необходимости защищать страну и выиграть войну» (с. 5). Так, Шехтер подчеркивает, что многие элементы армейского материального мира были заимствованы из крестьянской среды, например, портянки и валенки. Война дала советскому государству новую возможность влиять на общество и корректировать внутреннее содержание советского человека. Теперь государство нуждалось в солдатах, и вещи, включая медали и награды, служили цели мобилизации.

Книга представляет собой синтез истории одного из ключевых, а в некотором смысле самого главного события советского периода, с одной стороны, и истории материального мира – с другой, и позволяет объяснить тонкости формирования и трансформации индивидов в контексте политических изменений в СССР. Выбранный в работе этнографический метод позволяет показать, как стандартные государственные предметы – например, ложка для еды, – становились частью личного пространства каждого солдата, когда тот оставлял на ней свои инициалы. При этом вещи не были молчаливыми объектами, но имели свою агентность, делая возможным ведение самой войны. Такой подход предопределил структуру обсуждаемой книги: она состоит из трех частей и семи глав, каждая из которых выстроена вокруг определенных категорий материальных объектов в зависимости от их функций. Шехтер выделил три больших блока – три категории, ставшие ключевыми в военных условиях: тело (*mortal envelopes*), насилие/принуждение (*violence*) и личное обладание (*possessions*). Первый блок посвящен биологическим потребностям и их политическому значению в контексте войны. Насилие/принуждение лежит в основе мобилизации, мотивации убивать, а также наказаний для поддержания дисциплины. Личные вещи составляют повседневность солдата, определяя его действия и представления о происходящем. Выстроенные таким образом, разделы показывают рост и укрепление Красной армии: Шехтер начинает свое повествование с обнаженного тела на медицинском осмотре и заканчивает трофейными объектами на пике победы в войне.

В первой главе Шехтер подчеркивает, что тело солдат переставало принадлежать им, как только они становились военнослужащими, то есть уже в ходе медицинского осмотра. Обращая внимание на социальный, этнический и возрастной состав солдат Красной армии, автор рассматривает, каким государству виделась должная функция физического и символического тела. Шехтер считает, что солдаты, получая государственные вещи – в частности специальные карточки для внесения личных данных и военную форму, – таким образом отчасти делегировали субъектность своего тела государству. Получая в пользование вещи, солдаты встраивались в систему дисциплинирования, обучаясь тому, как «стоять, двигаться и говорить в соответствии с набором регулирующих правил, принятых в армии и

чуждых гражданскому миру» (с. 33). Армия отчуждала тела солдат путем их дисциплинирования и окружения специфическими материальными предметами, определявшими пространство: например, военные госпитали имели особый символический статус и воспринимались не просто как место лечения, но и как место отдыха.

Вторая глава посвящена форме и ее атрибутам, а также конкретным предметам одежды – нижнему белью, пуговицам, портянкам, одеялам, ремням и прочим элементам одежды. Так, автор указывает, что погоны, введенные в 1943 году как часть новой формы Красной армии, являлись важнейшим атрибутом статуса. Выделение героизма в целом стало важным к середине войны: к тому времени линейка наград и отличительных знаков была уже существенно расширена. Как награды, так и более приземленные, стандартизированные изначально объекты, такие как сапоги и ремни, становились личными: солдаты отмечали на вещах свои имена, оставляли на них свой запах и признаки пользования. В следующей главе Шехтер рассматривает значение материальных предметов, позволявших организовать продовольственное снабжение как одной из наиболее базовых и важных составляющих повседневности советского солдата. Автор отмечает, что рациональность была важнейшим принципом снабжения – набор продуктов должен был составлять определенную калорийность, чтобы поддерживать физическую форму солдат (с. 82), а практика питания из одного котла усиливала ощущение общности. При этом многие формально принадлежавшие армии предметы использовались как личная собственность.

Вторая часть книги посвящена объектам, относящимся к теме насилия в широком смысле, точнее – окружавшей солдат материальности смерти и выживания. В четвертой главе Шехтер рассматривает вопрос о том, что означало убивать, и обращается к материальности не только через предметы, но также пространство и инфраструктуры. Так, окопы становились личным местом в условиях обезличенной войны. Другие места – например разрушенные немецкими военными деревни, – использовались государством в качестве «педагогического орудия» и пропаганды образа жестокости врага. Война вынуждала солдат учиться ориентироваться на карте, поскольку именно это увеличивало шансы на выживание и расширяло возможности убить врага. Лопата позволяла делать окопы, а печки становились важными для организации укрытия, похожего на жилой дом. Солдаты были строителями и «никогда не прекращали копать и строить» (с. 124), используя возможности своего воображения и изобретательства. Один из наиболее тематически сложных разделов этой главы посвящен вопросу о сосуществовании живых и мертвых на фронте, поскольку в военных условиях мертвое тело стало неотъемлемым атрибутом повседневности. Осознание смерти и близость к мертвому телу позволяли солдатам понять себя и свое положение на фронте.

В следующей, пятой главе автор рассматривает убийство как ключевую, наряду с выживанием, задачу солдата. Шехтер обращает внимание на разные мелкие детали, оказывающиеся важными для солдатских практик, такие как спуск крючка оружия, а также на мысли, возникающие у танкиста при виде бегущих от его танка людей. Он также в деталях прослеживает отношения солдат с индивидуальным (винтовки, штыки, гранаты) и коллективным (минометы, пулеметы и пр.) оружием.

Индивидуальное оружие создавало условия для понимания границы между жизнью и смертью, но при этом не способствовало развитию ощущения принадлежности к сообществу (с. 167). Напротив, солдаты, обслуживавшие коллективные орудия, составляли общее целое, от которого зависело, выживут члены этого сообщества или нет. Люди и оружие в обоих случаях были единым целым, но при этом ситуация в разных видах войск сильно различалась: «кем ты был в армии, определялось тем, каким оружием и как хорошо ты владеешь» (с. 177).

Шестая глава открывает часть книги, посвященную проблеме обладания. В ней речь идет о лично-общественном пространстве на примере использования вещмешков и практик чтения личных писем, а также о бумажной продукции – газетах, листовках и пр., – которые были единственным невоенным предметом в мешке солдата, игравшим важную морализующую роль. Солдаты читали письма из дома вслух, таким образом делая личную переписку публичной. Написание проходивших цензуру писем поощрялось армейским начальством как практика утешения и поддержания духа в армии. Шехтер показывает тонкость и изменчивость границы между личным и публичным, частным и государственным.

Одна из самых интересных глав, седьмая, посвящена военным трофеям. Зарубежные материальные предметы, с которыми советские солдаты сталкивались в том числе и на оккупированных территориях, были частью «пугающего мира капитализма» (с. 218). К враждебным материальным предметам в первую очередь относились листовки, распространявшиеся немцами. Зарубежные материальные объекты могли стать и предметом престижа: например, немецкие часы, конфискованные или купленные советскими солдатами, оказывались ценным трофеем и даже платежным средством. Свою ценность имела и найденная одежда, становившаяся предметом личного потребления. Шехтер также прослеживает значение других материальных предметов, связанных с разрушением, например, памятников и инфраструктурных объектов на занятой Красной армией территории. Так, солдаты помечали их надписями, тем самым эмоционально взаимодействуя с материальным миром «чужого». В целом автор подтверждает, что столкновение с материальными предметами, не относившимися к советской действительности, оказало существенное влияние на осмысление солдатами своих повседневных практик. Предсказуемо Шехтер приходит к выводу, что зарубежный опыт Красной армии показал ее солдатам, насколько сильно СССР отличался от буржуазного мира.

В целом, работа представляет собой качественное исследование того, как в армейской жизни пересекались миры, создаваемые личными, общими и государственными объектами, военными и гражданскими вещами. Война мобилизовала личные солдатские вещи, которые были в большинстве своем простыми и неприглядными, контрастирующими с бездушным миром высокотехнологизированной войны (с. 244).

При всех ее достоинствах, обсуждаемой книге недостает более глубокой сравнительной перспективы советской истории с опытом других стран. Представляется также, что теоретическая рамка могла бы быть в целом более проработанной. Не всегда автору удается убедительно показать, что представляют собой материальные объекты в конкретных ситуациях – когда они являются просто вещами,

а когда влиятельными акторами. В заключении, впрочем, Шехтер поясняет, что изложенная в книге история позволила рассмотреть опыт разных советских граждан, оказавшихся вместе благодаря вещам, которые они учились использовать в военных условиях и которые позволили им стать победителями. Война, таким образом, сделала ценными некоторые объекты, выступившие в роли объединяющего фактора для ранее несвязанных между собой людей, сделав их единой военной силой (“a united fighting force”) (с. 246).

Работа Брендона Шехтера вносит вклад в изучение советской материальности, показывая взаимодействия не просто объектов и людей, но также личного и публичного, эмоций и мотиваций, пространства и времени. Это важное исследование, доказывающее, что мир материальных объектов не только обеспечивал условия для ведения войны и победы, но также менял людей, открывал возможности и накладывал ограничения на их разноплановые взаимодействия. Материальные объекты, таким образом, дают еще одно важное измерение для понимания того, что такое советское общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bruno, Andy. 2016. *The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History*. New York: Cambridge University Press.
- Golubev, Alexey. 2020. *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.